

Восемнадцатилетнее служение въ Лифляндіи.

(Рассказъ священника).

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ ¹⁾.

Служение при Венденской церкви въ должности священника Богослужение въ тюрьмѣ; присоединение одного арестанта къ православной церкви и изъявление другимъ желанія присоединиться; мѣры, тюремнымъ правительствомъ принятыя противъ присоединенія арестантовъ къ православію; не дозволеніе открыть школу для арестантовъ; проводы двухъ арестантовъ къ позорному столбу. Поруганіе освященной-богоявленской воды.

Какъ членъ тюремнаго Комитета и тюремный священникъ, обязанный заботиться о духовныхъ и даже тѣлесныхъ нуждахъ православныхъ и иновѣрныхъ арестантовъ въ Венденскомъ тюремномъ замкѣ, я не рѣдко навѣщаль въ этомъ замкѣ вообще всѣхъ арестантовъ и православныхъ, и католиковъ, и лютеранъ и даже евреевъ; заботился о томъ, чтобы имъ не было холодно, и объ удаленіи сырости въ камерахъ. Всѣхъ арестантовъ, и особенно православныхъ, наставлялъ, ободрялъ, утѣшалъ; приносилъ имъ имѣющіяся у меня книги, особенно изданныя мною на Латышскомъ языкѣ. На самомъ верху тюремнаго замка была особенная молитвенная комната, въ которой мною или моимъ сослужителемъ раза два въ мѣсяцъ отправлялось богослуженіе-часы обычно на Латышскомъ языкѣ; при отправленіи богослуженія въ тюремномъ замкѣ я всегда говорилъ поученіе. За это богослуженіе приходило много арестантовъ и иновѣрцевъ; думаю, кромѣ евреевъ приходили всѣ арестанты, находившіеся въ тюрьмѣ. Для православныхъ арестантовъ я совершалъ всѣ духовныя требы ихъ, и каждый годъ они

¹⁾ См. Б. В. Мартъ.

говѣли, неповѣдывались и причащались въ православной церкви, куда ихъ всегда отпускали.

Въ тюремномъ замкѣ иные арестанты оставались долго, но нѣсколько лѣтъ и со мною ознакомились. Иные разсказывали мнѣ и о своихъ преступленіяхъ, большею частію жалуясь на несправедливость суда. Я разумѣется всегда защищалъ судъ и утѣшалъ арестантовъ тѣмъ, что если они невинны, то судъ и оправдаетъ ихъ. Нѣсколько арестантовъ-лютеранъ изъявили даже желаніе присоединиться къ православію; они видѣли, что я посѣщаю арестантовъ въ тюрьмѣ, служу для нихъ и что было для нихъ важнѣе всего, я и арестантовъ православныхъ приобщаю св. таинъ Христовыхъ, чего не дѣлалъ лютеранскій пасторъ. Эта снисходительная къ несчастнымъ заботамъ православной церкви безъ сомнѣнія и располагала арестантовъ къ православію. Но тюремное начальство крѣпко стояло за лютеранство и уклонилось даже отъ записи одного арестанта въ число желающихъ присоединиться къ православію, чего требовалъ законъ о шестимѣсячномъ срокѣ между изъявленіемъ желанія принять православіе и самымъ присоединеніемъ.

Одинъ изъ арестантовъ, находящихся въ тюрьмѣ, не приписанный ни къ какому обществу и не помнящій своихъ родителей, лѣтъ 22, изъявилъ желаніе принять св. православіе. Арестантъ этотъ, по его словамъ, не принадлежалъ ни къ какому вѣроисповѣданію и никогда не былъ у св. причастія. Я сталъ къ нему чаще ходить и учить его православной вѣрѣ, чаще служить въ молитвенной комнатѣ. Пожелалъ онъ учиться по русски; я съ радостію помогъ ему въ этомъ добромъ дѣлѣ и онъ при помощи одного русскаго арестанта выучился читать по-русски и даже началъ немного говорить. Достаточно по моему мнѣнію приготовивъ къ принятію св. вѣры православной означеннаго арестанта, я испросилъ разрѣшеніе Епархіальнаго начальства присоединить его безъ шестимѣсячнаго срока, и въ одно воскресенье предъ богослуженіемъ въ молитвенной комнатѣ чрезъ св. миропомазаніе присоединилъ къ св. церкви православной; при чемъ присутствовали всѣ арестанты, собравшіеся на православное богослуженіе. По это присоединеніе подняло цѣлую бурю. Лютеране, мечтавшіе уже о возвращеніи въ лютеранство присоединенныхъ

къ православію, по крайней мѣрѣ колеблющихся въ немъ, или уклоняющихся, вдругъ видятъ новое присоединеніе и гдѣ-же? на глазахъ самаго лютеранскаго начальства — въ тюрьмѣ. Тюремное начальство конечно было увѣрено, что я обманулъ присоединеннаго мною арестанта обѣщаніемъ за присоединеніе освободить его отъ заслуженнаго имъ наказанія, или даже отъ ареста въ тюрьмѣ: такую направили на православное духовенство всегда разглашали ревнители лютеранства. Ордунггерихтъ немедленно потребовалъ новоприсоединеннаго въ судъ и подробно разспросилъ его о всемъ, касающемся его присоединенія; по томъ же дѣлу требовалъ его и Ландегерихтъ и, какъ замѣтилъ арестантъ, судьи между собою говорили, что онъ за присоединеніе къ православію подвергнется строжайшему, чѣмъ другіе наказанію. Безъ всякаго сомнѣнія присоединившійся арестантъ ничего, служащаго къ обвиненію меня, не показавъ въ судахъ и тюремное начальство не принесло на меня никакой жалобы за присоединеніе. Для отправленія богослуженія въ тюрьмѣ пригласили ревностнѣйшаго пастора г. Соколовскаго изъ уѣзднаго Роннебургскаго латышскаго прихода: видно, на Венденскаго латышскаго пастора-старца мало надѣялись; за богослуженіемъ предъ арестантами пасторъ объявилъ, что присоединившійся къ православію сдѣлалъ дѣло Іуды предателя и получить награду Іуды.

Вскорѣ по присоединеніи и приобщеніи арестанта я пришелъ въ тюремный замокъ, чтобы отправить въ немъ богослуженіе для арестантовъ, и къ удивленію моему смотритель тюрьмы объявилъ мнѣ, что меня не велѣно пускать въ тюрьму. Господь съ вами, говорю я смотрителю; да я вѣдь тюремный священникъ и долженъ посѣщать своихъ духовныхъ дѣтей; я членъ тюремнаго комитета, предъ которымъ должны быть отворены двери тюрьмы. Ничто не помогло, — не велѣно, твердитъ мнѣ смотритель тюрьмы, и указать на выставленную предъ арестантскими камерами бумагу, въ которой сказано, что къ арестантамъ никого не должно впускать, кромѣ фискала, Ордунггерихтера и смотрителя тюрьмы. Замѣтя, что въ молитвенной комнатѣ одни только православные арестанты и нѣтъ ни одного лютеранина, я спросилъ смотрителя тюрьмы: почему нѣтъ здѣсь другихъ арестантовъ, какъ это всегда бывало прежде? Да

другіе не желаютъ быть сегодня при богослуженіи, сказалъ мнѣ смотритель. Я настоялъ, чтобы смотритель тюрьмы при мнѣ же спросилъ оставшихся въ камерахъ, желаютъ ли они быть при богослуженіи православною? и оказалось, что арестанты лютеране, кромѣ двухъ и еще одного еврея, высказали желаніе быть при богослуженіи. Тогда смотритель объявилъ мнѣ приказаніе Орднунгерихтера, чтобы при православною богослуженіи были только православные арестанты, а при лютеранскомъ только лютеране. Да развѣ законъ воспрещаетъ иновѣрцамъ присутствовать при православною богослуженіи? спросилъ я. Этого я не знаю, отвѣчалъ мнѣ смотритель; но я не могу не исполнить приказанія Орднунгерихтера. Я попросилъ смотрителя доложить г. Орднунгерихтеру, что арестанты лютеране желаютъ быть при православною богослуженіи и просить его о дозволеніи имъ быть при этомъ богослуженіи. Отвѣтъ былъ такой, чтобы я писалъ объ этомъ бумагу. Богослуженіе мною отправлено было въ присутствіи однихъ только православныхъ арестантовъ.

Глубоко я поскорбѣлъ о томъ, что мнѣ заперли двери тюрьмы и думалъ: вотъ что можетъ сдѣлать съ русскимъ священникомъ иѣмецкое—лютеранское начальство въ Лифляндіи, поставленное тамъ русскимъ православною царемъ между прочимъ и для того, чтобы служить пользѣ православія и оберегать отъ оскорбленій господствующее въ Россіи вѣроисповѣданіе! Написалъ я въ Орднунгерихтъ отношеніе, въ которомъ просилъ указать законъ, воспрещающій иновѣрцамъ присутствовать при православною богослуженіи, а равно и законъ, воспрещающій тюремному священнику, члену тюремнаго комитета и увѣщателю посѣщать тюрьму во всякое время дня, когда только ему свободно, или когда потребуетъ духовная нужда православнаго арестанта и тѣмъ доставлять арестантамъ духовное утѣшеніе и назиданіе. До того времени я всегда имѣлъ свободный доступъ въ тюрьму безъ особаго на всякій разъ дозволенія и конечно это не было противозаконно; почему же теперь этого мнѣ не дозволяется? На мое отношеніе Орднунгерихтъ отвѣтилъ, что велѣдствіе требованія г. уѣзнаго фискала входитъ во всякое время къ содержащимся въ здѣшной тюрьмѣ арестантамъ дозволяется только г. фис-

калу и лицу, которое занимает должность начальника уѣздной полиціи,—Ордунгсрихтеру; кромѣ ихъ всѣ безъ исключенія другія лица могутъ посѣщать арестантовъ не иначе, какъ въ присутствіи тюремнаго смотрителя. „Если вы хотите посѣтить тюрьму“, писалъ мнѣ судъ, „то тюремный смотритель, или нижеподписавшійся Ордунгсрихтеръ (Гринблаттъ) всегда будутъ провожать васъ. Относительно арестантовъ, которые идутъ на богослуженіе, сдѣлано распоряженіе, что когда лютеранскій пасторъ отправляется въ тюремную церковь, лютеранскіе арестанты приводятся туда (хотя бы и не хотѣли?) тюремнымъ смотрителемъ; равнымъ образомъ, когда вы будете отправлять богослуженіе, то такимъ же порядкомъ будутъ приводиться туда православные арестанты. Не запрещается лютеранину идти на отправляемое вами богослуженіе, если онъ будетъ того желать“. Какъ очевидно, въ этомъ отвѣтѣ ни на какой законъ не указано, а только прописано требованіе уѣзднаго фискала. Я не удовольствовался этимъ распоряженіемъ и указалъ на статьи закона (38 и 43 Уст. Общ. Попеч. о тюрьмахъ XIV т. св. зак.), по которымъ, какъ членъ тюремнаго комитета, я долженъ быть снабженъ билетомъ на входъ въ мѣста заключенія арестантовъ. Этотъ билетъ и долженъ дать мнѣ право посѣщать арестантовъ, когда мнѣ возможно. Какъ тюремному священнику мнѣ тюрьма должна быть открыта всегда, особенно когда потребуетъ духовная нужда того, или другаго арестанта, напримѣръ больного. Я не имѣлъ ничего противъ того, чтобы при посѣщеніи арестантовъ меня сопровождали г. ордунгсрихтеръ, или смотритель тюрьмы; но такъ какъ послѣдній чиновникъ занимаетъ должность маршъ-комисара при Ордунгсрихтѣ и очень часто отлучается изъ города въ уѣздъ, а равно и самъ начальникъ полиціи тоже часто не бываетъ при тюрьмѣ, то я просилъ судъ сдѣлать распоряженіе, чтобы вышеозначенные чиновники отнюдь не затрудняли мнѣ немедленно входить въ тюрьму и посѣщать арестантовъ.

Но лютеране мало надѣялись на смотрителя тюрьмы; поэтому при моемъ посѣщеніи арестантовъ сопровождалъ меня самъ Ордунгсрихтеръ. Это сопровожденіе не могло стѣснять меня въ моихъ наставленіяхъ и утѣшеніяхъ арестантамъ, но не позволяло имъ откровенно высказывать мнѣ о

своёмъ душевномъ состояніи, — они боялись высшаго начальника, — особенно боялись выражать свое сочувствіе къ русской вѣрѣ. И если бы какой смѣлый арестантъ сталъ мнѣ жаловаться на несправедливость суда, какъ бывало прежде, онъ очень сильно поплатился бы за оскорбленіе суда. Самыя книги, даваемые мною православнымъ арестантамъ для чтенія, конечно строго воспрещалось читать лютеранамъ.

Тотъ же Ордунгерихтеръ явился и на отправляемое за тѣмъ мною въ молитвенной комнатѣ богослуженіе. Арестантамъ объявлено было, что кто изъ нихъ желаетъ, тотъ можетъ быть при православномъ богослуженіи. Начальству не удобно было не объявить этого всѣмъ арестантамъ и лютеранамъ, а тѣмъ болѣе неудобно было удерживать въ камерахъ желающихъ присутствовать при богослуженіи и сказать мнѣ, что арестанты-лютеране не желаютъ вмѣстѣ съ православными молиться Богу. Я могъ, какъ и прежде, потребовать при мнѣ же спросить ихъ, желаютъ или не желаютъ они быть при православномъ богослуженіи. Собралось желающихъ очень довольно. Когда вошелъ въ молитвенную комнату одинъ арестантъ-полупѣмецъ, то г. Ордунгерихтеръ спросилъ его по нѣмецки: знаетъ ли онъ, что теперь имѣетъ быть служба русская и хочетъ ли онъ быть при ней? Арестантъ-лютеранинъ отвѣчалъ, что знаетъ это и хочетъ быть за службой. Такимъ вопросомъ арестанту дано было понять, что ему, лютеранину нѣмцу, не слѣдъ быть при русской службѣ. Арестантъ безъ всякихъ допросовъ зналъ, что будетъ именно православное богослуженіе и охотно шелъ на это служеніе. Кто не хотѣлъ быть при православномъ богослуженіи (два или три арестанта), тотъ и оставался въ камерѣ.

Во время отправленія мною богослуженія г. Ордунгерихтеръ сидѣлъ на стулѣ. Я могъ бы конечно попросить его стоять при православномъ богослуженіи, какъ того требуетъ уставъ: но мое прошеніе, или требованіе могло встрѣтить возраженіе со стороны чиновника, — онъ могъ сослаться на усталость, или слабость; могъ указать на то, что я служу не въ православной церкви, а въ лютеранской тюрьмѣ. А главное, что меня удержало отъ такого требованія, это было нежеланіе при инновѣрцахъ вступать въ споръ съ на-

чальникомъ полиціи и прервать богослуженіе, что не могло бы благодѣтельно повліять на молящихся.

За богослуженіемъ я сказалъ поученіе о крестныхъ страданіяхъ Спасителя за наши грѣхи: „страдать милосердый Господь и за грѣхи всѣхъ несчастныхъ и страдальцевъ, говорилъ я, — страдалъ и за васъ, заключенныхъ здѣсь. Поэтому пусть каждый изъ васъ ищетъ себѣ отрады и утѣшенія въ Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ и въ самомъ несчастнѣйшемъ своемъ положеніи каждый изъ васъ найдетъ въ Немъ не земное, а небесное утѣшеніе“. Нѣкоторые арестанты, видимо, были тронуты. Все богослуженіе было отправлено и моя рѣчь была сказана по-латышски, — арестанты едва ли не всѣ были латыши и несомнѣнно всѣ понимали по латышски; поэтому богослуженіе въ тюремной молитвенной комнатѣ всегда отправляемо было мною по-латышски.

Лишь только кончилось богослуженіе, какъ одинъ молодой арестантъ-лютеранинъ объявилъ мнѣ, что онъ желаетъ присоединиться къ православію. Г. Ордунгерихтеръ былъ пораженъ заявленіемъ арестанта. Пусть прежде я посѣщаль одинъ арестантовъ и могъ, по его понятію, наединѣ пашептывать имъ разныя несбыточныя обѣщанія; но теперь я посѣщаль арестантовъ при немъ самомъ и ничего предосудительнаго не говорилъ имъ; конечно былъ ласковъ съ ними, утѣшаль ихъ, — и никого изъ нихъ даже не приглашалъ принять православіе. Ничего соблазнительнаго для лютеранъ не было и за богослуженіемъ, и вдругъ арестантъ захотѣлъ принять православіе, — а недавно одинъ уже и былъ присоединенъ. Лютеране не понимаютъ, какъ благотворно, какъ привлекательно православное богослуженіе для простаго, не предубѣжденнаго человѣка. Я, а равно и г. Ордунгерихтеръ объявили желавшему принять православіе, что законъ не воспрещаетъ переходить изъ лютеранства въ православіе, но за этотъ переходъ никакой выгоды земной онъ не получитъ и ни какого облегченія отъ заслуженнаго имъ наказанія ему не будетъ. Ничего этого я не хочу, говорилъ арестантъ. я хочу только принять вѣру православную, „я не хочу быть, какъ скотъ“. Горько было конечно выслушать эти послѣднія слова арестанта приверженцамъ лютеранства и особенно г. Ордунгерихтеру.

Что именно хотѣлъ высказать ими изъявившій желаніе принять православіе? не извѣстно. Можетъ быть то, что до присоединенія мною арестанта къ православію содержащіеся въ тюрьмѣ лютеране были какъ бы совѣмъ забыты пасторами и, какъ помню, ихъ никогда не причащали. Можетъ быть и то, что тюремное начальство, встревоженное присоединеніемъ къ православію арестанта, пригласило въ тюрьму пастора, который немедленно же хотѣлъ принять на причастіе всѣхъ арестантовъ, но иные не захотѣли приступить къ этому таинству, не приготовясь къ нему и едвали даже не пообѣдавши, и говорили: развѣ мы скоты, что пойдемъ на причастіе не готовые къ тому? Я объявилъ арестанту, что онъ можетъ быть присоединенъ къ православію не скоро, а только чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ изъявленія имъ желанія принять православіе, а въ это время онъ долженъ приготовляться къ тому и изучать св. вѣру православію. Въ пять часовъ по полудни я обѣщаль придти въ тюрьму и принести арестанту книги, по которымъ онъ могъ бы знакомиться съ православіемъ; при чемъ просилъ г. Ордунгерихтера сдѣлать распоряженіе, чтобы мнѣ былъ свободный входъ въ тюрьму. Такъ какъ законъ повелѣвалъ записывать изъявляющихъ желаніе принять православіе въ особую шпуровую книгу при полицейскомъ чиновникѣ, и снабжать ихъ особыми печатными свидѣтельствами о записи ихъ въ означенную книгу, а такого свидѣтельства у меня съ собою не было; то я просилъ г. Ордунгерихтера подписать это свидѣтельство, которое я обѣщаль немедленно прислать въ судъ и дѣйствительно послать. Въ назначенное время я посѣщилъ въ тюрьму, но здѣсь мнѣ объявили, что арестантъ, изъявившій желаніе принять православіе, немедленно послѣ полудни былъ выпущенъ изъ тюрьмы. Не утерпѣлъ я и въ слухъ нѣкоторыхъ арестантовъ сказалъ: вотъ, какая сильная вѣра православная! Лишь только арестантъ изъявилъ желаніе принять ее, какъ немедленно же былъ освобожденъ изъ тюрьмы. Къ вечеру я получилъ изъ Ордунгерихтера отношеніе съ возвращеніемъ свидѣтельства объ изъявленіи арестантомъ желанія принять православіе безъ подписи его какъ Ордунгерихтеромъ, такъ и арестантомъ. Въ отношеніи прописано, что въ свидѣтельствѣ нѣтъ подписи арестанта и теперь

онъ выпущенъ изъ тюрьмы Ландсгерихтомъ; поэтому де оно и не подписано Ордунггерихтеромъ. Но свидѣтельство въ судѣ было получено еще тогда, когда арестантъ былъ въ тюрьмѣ и когда могъ бы подписать его; ему не дали подписать свидѣтельства. Безъ всякаго сомнѣнія арестанта убѣждали оставить намѣреніе присоединиться къ православію, а когда онъ оставался твердымъ на своемъ намѣреніи, то удалили его изъ тюрьмы, чтобы онъ не оставался подъ моимъ надзоромъ. Не мудрено, что арестанта отвели въ его деревню подъ конвоемъ, чтобы онъ не зашелъ къ мѣстнымъ общинамъ, да сообщили мѣстному пастору имѣть особое попеченіе о колеблющемся въ лютеранствѣ.

И присоединеніе одного арестанта къ св. православной церкви и изъявленіе другимъ арестантомъ желанія присоединиться усилили тревогу лютеранъ и заставили лютеранствующее начальство принять слѣдующую мѣру къ удаленію арестантовъ лютеранъ отъ соблазнительнаго для нихъ и по понятію начальства развращающаго ихъ православнаго богослуженія. На общемъ, вѣроятно, совѣтѣ составлено было и дано отъ имени фискала слѣдующее предложеніе Ордунггерихту.

М. Ю.
Венденскій
уѣздный фискаль
26 Іюня 1865 г.
№ 132.

Въ Венденскій Ордунггерихтъ

предложеніе.

„Содержащіеся въ здѣшней казенной тюрьмѣ арестанты неоднократно высказывали то предъ предсѣдателемъ онаго суда, то предъ тюремнымъ смотрителемъ, что они посѣщаютъ богослуженіе, вѣроисповѣданія котораго они сами не исповѣдуютъ, только для препровожденія времени. Но такъ какъ въ семъ отзывѣ заключается униженіе христіанскаго богослуженія и тюремное управленіе не можетъ имѣть намѣренія заботиться о развлеченіи арестантовъ и при томъ столь недостойнымъ образомъ, ему напротивъ вмѣнено въ обязанность наблюдать за строгою нравственностію въ тюрьмахъ; то симъ предлагаю Ордунггерихту немедленно строжайше приказать, чтобы съ сего времени арестанты въ

здѣшней тюрьмѣ посѣщали только богослуженіе того вѣроисповѣданія, которое они сами исповѣдаютъ“.

Подпись фискала.

Этотъ документъ достойный хитраго ума пѣмцевъ-лютеранъ образецъ, какъ они умѣютъ дѣйствовать во вредъ православію подъ болѣе или менѣе благовидными предлогами. Они, видите ли, не могутъ допустить, чтобы православное богослуженіе унижалось присутствіемъ арестантовъ-лютеранъ, посѣщающихъ оное только для развлеченія,—не хотятъ допустить, чтобы арестанты развлекались богослуженіемъ и при томъ столь недостойнымъ образомъ, унижая святое богослуженіе и тѣмъ выражая свою безправственность. Поэтому строжайше предписывается не допускать арестантовъ лютеранъ за православное богослуженіе. Цетиппый смыслъ этого документа, очевидно, тотъ, что лютеране, присутствуя за православнымъ богослуженіемъ, трогаются имъ, привлекаются къ св. церкви православною и тѣмъ соблазняются оставить лютеранство и принимаютъ православіе, чѣмъ, по мнѣнію лютеранъ, развращаются. Отъ этого соблазна и разврата сохранить арестантовъ-лютеранъ и считать своимъ долгомъ лютеранствующее тюремное начальство и строжайше запрещаетъ имъ посѣщать православное богослуженіе.

Тонко задуманное предложеніе г. фискала представлено г. губернскому прокурору, тоже пѣмцу и лютеранину, который, конечно, вполнѣ одобрилъ распоряженіе Венденскаго фискала. При отношеніи Ордунгстерихта прислано оно было и мнѣ съ тѣмъ, конечно, намѣреніемъ, чтобы я оставилъ свою заботу объ арестантахъ-лютеранахъ. Напрасно мнѣ и жаловаться на Венденское начальство, потому что объ этомъ распоряженіи уже допесено высшему начальству. А если русскій попъ, такъ разсуждало лютеранствующее начальство, и пожалуется на это распоряженіе: все же времени пройдетъ не мало и глупое желаніе арестантовъ посѣщать православное богослуженіе остынетъ; да можно будетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ или совсѣмъ выпустить изъ тюрьмы, или переселить въ другія мѣста.

Я былъ глубоко возмущенъ и огорченъ такимъ распоряженіемъ тюремнаго начальства, официально осмѣливавшегося

называть православное богослуженіе вреднымъ для правственности арестантовъ-лютеранъ, или иначе развращающимъ ихъ. Кромѣ представленія объ этомъ Высокопреосвященнѣйшему Платону я написалъ въ Венденскій Орднунггерихтъ слѣдующее отношеніе.

„Во имя разума, во имя закона, во имя высокаго достоинства христіанскаго богослуженія симъ рѣшительно протестую противъ предложенія г. уѣзднаго фискала отъ 26 сего іюня за № 132, которымъ строжайше воспрещается арестантамъ лютеранскаго исповѣданія посѣщать православное богослуженіе“.

„Разумъ человѣческой ясно показываетъ, что высокое и прекрасное, каково православное богослуженіе, не можетъ быть унижено тѣмъ, которые занимаютъ имъ и для препровожденія только времени. Ясно, какъ день, и то, что занятіе высокимъ и прекраснымъ, хотя бы и отъ нечего дѣлать, а только для препровожденія времени, не можетъ имѣть вреднаго вліянія на правственность занимающагося имъ, напротивъ занимающійся тѣмъ, хотя бы и не вполнѣ понимая то сначала, но свыкаясь съ онымъ, тѣмъ самымъ приближаетъ къ себѣ высокое и прекрасное и самъ долженъ становиться не хуже, а лучше, и, значить, правственнѣе“.

„По 54 ст. Уст. Общ. Попечен. о тюрьм. XIV том. св. зак. требуется, чтобы назиданіе арестантовъ въ правилахъ христіанскаго благочестія и доброй правственности было исполняемо неопустительно; но гдѣ арестантъ можетъ найти лучшее назиданіе, какъ не за православнымъ богослуженіемъ? Тою же статьею требуется, чтобы богослуженіе было совершаемо въ тюремныхъ церквахъ, или въ особыхъ помѣщеніяхъ, и чтобы арестанты воскресные и праздничные дни проводили между прочимъ въ молитвѣ. Безъ всякаго сомнѣнія богослуженіе въ тюрьмахъ должно быть совершаемо для арестантовъ и законъ нигдѣ не запрещаетъ арестантамъ-иновѣрцамъ посѣщать православное богослуженіе. На какомъ же основаніи г. фискаль запрещаетъ это? Пусть укажетъ ясный законъ на то, или же прямой выводъ изъ закона. Онъ думаетъ, что отъ такого посѣщенія арестанты будутъ недостойнымъ образомъ развлекаться и будутъ безправственны; глубоко онъ ошибается и недостойно унижаетъ

православное богослуженіе; при томъ его мнѣніе не законъ и, какъ выше показано, противорѣчитъ закону“.

„Не понимаю, какъ только можетъ придти на мысль христіанину, будто иновѣрецъ, посѣщая православное богослуженіе, будетъ имѣть развлеченіе недостойное христіанина и его нравственность пострадаетъ отъ того. Православное богослуженіе состоитъ изъ молитвы къ Богу, святыхъ пѣснопѣній, чтенія слова Божія, поученій, прямо основанныхъ на словѣ Божіемъ. Ужели же арестантъ-иновѣрецъ, молясь Господу Богу и общему нашему Спасителю, слыша прославленіе Его величія и дѣль любви и милосердія къ роду человѣческому, слушая слово Божіе и чисто нравственныя поученія, ужели можетъ отъ того стать безнравственнымъ? Безъ сомнѣнія, нѣкоторые иновѣрцы посѣщаютъ православное богослуженіе и въ церкви православной только для препровожденія времени; основываясь на предложеніи г. фискаля, полиція слѣдуетъ строжайше воспретить всеѣмъ иновѣрцамъ посѣщать богослуженіе въ церкви православной; потому что развратъ общества допускать никакъ нельзя. Да если бы нѣкоторые арестанты заявили, что они читаютъ библію для препровожденія времени; ужели на этомъ основаніи нужно было бы строжайше воспретить читать эту св. книгу, потому что въ этомъ отзывѣ заключается униженіе для слова Божія и тюремное управленіе не должно заботиться о развлеченіи арестантовъ? Вотъ какой нелѣпный выводъ ясно вытекаетъ изъ воспрещенія арестантамъ-иновѣрцамъ посѣщать православное богослуженіе. Изъ того же предложенія слѣдуетъ уже и то, что нужно строжайше воспретить всеѣмъ православнымъ и лютеранамъ посѣщать богослуженіе въ ихъ собственныхъ церквахъ; потому что нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкоторые христіане посѣщаютъ и свое богослуженіе только для препровожденія времени и потому развлекаются будто недостойнымъ образомъ и могутъ быть отъ того безнравственными“.

„И такъ находя предложеніе г. фискаля о воспрещеніи арестантамъ-иновѣрцамъ посѣщать православное богослуженіе вреднымъ для нравственности арестантовъ, противнымъ закону и оскорбительнымъ какъ для православнаго, такъ и вообще для христіанскаго богослуженія, симъ покорнѣйше прошу Венденскій Ордунггерихтъ остаться при своемъ

рѣшеніи, прописанномъ въ отношеніи его ко мнѣ отъ 25 сего іюня и по прежнему не запрещать арестанту-лютеранину идти за православное богослуженіе, если онъ того пожелаетъ. О своемъ рѣшеніи покорнѣйше прошу сей судъ почтить меня увѣдомленіемъ, и если суду не угодно будетъ исполнить моей просьбы, покорнѣйше прошу указать тому законныя приципы“.

Мой протестъ представленъ Венденскимъ Орднунгсгерихтомъ на рѣшеніе самому начальнику Лифляндской губерніи, сколько помню, графу Кейзерлингу, — брату Попечителя Дерптскаго учебнаго округа, не менѣе г. фискала и Венденскаго Орднунгсгерихта противившемуся присоединенію лютеранъ къ православію. Какъ истый лютеранинъ и нѣмецъ, г. начальникъ Лифляндской губерніи безъ сомнѣнія принялъ мой протестъ только къ свѣдѣнію и едвали что отвѣчалъ Орднунгсгерихту. Но онъ принужденъ былъ отвѣтить Архипастырю Рижскому, который по моей жалобѣ на распоряженіе Венденскаго фискала просилъ его приказать, чтобы мнѣ дозволенъ былъ свободный доступъ въ тюремный замокъ и чтобы тюремное начальство не воспрещало арестантамъ-лютеранамъ посѣщать православное богослуженіе. Законное требованіе Владыки и было исполнено, хотя и не скоро.

Другое столкновеніе съ Венденскимъ тюремнымъ начальствомъ было у меня по случаю моего намѣренія открыть въ тюрьмѣ школу для арестантовъ. По моему предложенію нѣкоторые арестанты высказали мнѣ свое желаніе учиться каждый день чтенію, письму, ариметикѣ и закону Божію и я, при помощи членовъ своего причта, рѣшился открыть въ тюрьмѣ школу. Комната для школы въ тюрьмѣ была очень удобная, та самая, въ которой по воскреснымъ днямъ отпиривалось для арестантовъ богослуженіе. Объ открытіи для арестантовъ школы я официально отнесся въ Венденскій Орднунгсгерихтъ. Но поклонники просвѣщенія лютеране не позволили мнѣ открыть школу въ тюрьмѣ; — безъ сомнѣнія они опасались сближенія арестантовъ со служителями православной церкви и, по ихъ понятію развращающаго арестантовъ-лютеранъ вліянія православнаго священника. Въ отвѣтъ своемъ на мое отношеніе судъ проинсаль, что требованіе мое касательно открытія школы въ тюрьмѣ

судомъ исполнено быть не можетъ, — что для уголовныхъ арестантовъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ, не можетъ быть устроена школа и содержащіяся въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ арестанты не могутъ быть собираемы для ученія въ одной комнатѣ. Я протестовалъ противъ этого отказа и въ своемъ отношеніи писалъ, что, по христіанскому разсужденію, чѣмъ глубже кто изъ ближнихъ падъ, тѣмъ больше попеченія о немъ требуется со стороны другихъ христіанъ, тѣмъ больше нужно его вразумлять, наставлять, а все это и будетъ дѣлаться въ школѣ. Поэтому школа благодѣтельна будетъ и для уголовныхъ арестантовъ, находящихся подъ слѣдствіемъ. Послѣдніе не могутъ сходиться вмѣстѣ, конечно, потому, чтобы имъ не сговориться, что и какъ показывать въ судѣ; но это только тѣ, которые прикосновенны къ одному и тому же дѣлу. Такихъ можно раздѣлять и при обученіи, одного посылать въ школу въ одинъ день, другаго въ другой, или же отдѣлять ихъ одного отъ другаго въ школѣ и строго воспрещать имъ разговаривать между собою. Мой протестъ представленъ высшему Лифляндскому начальству, конечно тому же губернатору графу Кейзерлингу и остался безъ отвѣта. Но жаловаться Епархіальному начальству на недозволеніе мнѣ тюремнымъ начальствомъ открыть школу для арестантовъ я не имѣлъ основанія.

Въ той же Венденской тюрьмѣ былъ такой случай. Въ ней содержались три важныхъ преступника-латыша. Ихъ обвинили, какъ помню, въ ограбленіи одного помѣщичьяго имѣнія и едва ли не въ убійствѣ. Упорно они отрицали свою виновность въ этомъ преступленіи; но ихъ обвинили и приговорили къ каторжнымъ работамъ. Двое изъ нихъ во время производства дѣла изъявили желаніе принять православіе, и я присоединилъ ихъ; не помню, чтобы тюремное начальство оказало какое-либо противленіе этому присоединенію; это случилось, безъ сомнѣнія, потому, что шестимѣсячный срокъ между изъявленіемъ желанія принять православіе и самымъ принятіемъ былъ въ 1865 году отмѣненъ и судъ лишень былъ возможности препятствовать какъ записи желанія, такъ и присоединенію. Можетъ быть и сверху дали суду понять неблаговидность его неправильныхъ дѣйствій во вредъ православію. А всего скорѣе это

могло произойти отъ того, что арестанты, какъ грабители и убійцы, по лютеранскому понятію, не достойны принадлежать къ просвѣщенной вѣрѣ лютеранской и пусть де они идутъ въ русскую вѣру, которая принимаетъ всякое отребіе міра; да при томъ они уже навсегда оставятъ Остзейскій край и не могутъ увеличить въ немъ число жителей православныхъ. Когда послѣдовало утвержденіе приговора о наказаніи означенныхъ преступниковъ, и они должны были выслушать этотъ приговоръ; то я оффиціально приглашенъ былъ для сопровожденія арестантовъ изъ тюрьмы на позорной колесницѣ къ позорному столбу, устроенному за городомъ. Такъ какъ я признавалъ себя тюремнымъ священникомъ; то и не думалъ уклоняться отъ этой прискорбной обязанности сопровождать арестантовъ къ позорному столбу. Въ судѣ я узналъ, что приговоръ арестантамъ будетъ прочитанъ у столба по-нѣмецки; я возражалъ противъ такого объявленія, какого не будутъ понимать арестанты, которыхъ главнымъ образомъ и нужно знать содержаніе приговора; они по-нѣмецки ничего не понимаютъ; не пойметъ нѣмецкой рѣчи и большинство зрителей, которыхъ по случаю базарнаго дня будетъ у позорнаго столба, конечно, много и это будутъ, главнымъ образомъ, латыши. Поэтому я предлагалъ приговоръ перевести на латышскій языкъ и по-латышски прочесть его у позорнаго столба. Мое предложеніе не было принято, законъ, видите, установилъ въ Остзейскомъ краѣ нѣмецкое судопроизводство, — и отступитъ отъ этого закона судъ не имѣетъ права. А какъ вы въ судѣ допрашиваете виновныхъ и свидѣтелей, не понимающихъ нѣмецкаго языка? спросилъ я. Конечно, на понятномъ для нихъ ихъ природномъ языкѣ, но записываютъ ихъ показанія по-нѣмецки. И эти показанія не понятныя для показывающихъ вы прочитываете имъ и даете подписывать? еще спросилъ я. Зачѣмъ прочитывать? Судъ въ своей записи не измѣнитъ показанія и допрашиваемый только подписываетъ свое показаніе, — неграмотный обычно чертитъ перомъ три креста. Мудреные порядки въ судѣ выдумали нѣмцы! Усадили меня съ разбойниками на колесницу и чрезъ весь городъ провезли до позорнаго столба, около котораго собралась толпа народа, главнымъ образомъ, латышей. Помните, я былъ въ снитрахиди; былъ ли у меня крестъ въ

рукахъ, не помню. Явился къ позорному столбу и г. пасторъ, потому что одинъ изъ преступниковъ былъ лютеранинъ. Вездѣ, гдѣ можно, обыкновенно лютеранскимъ пасторамъ давалось преимущество предъ православными священниками; но у позорнаго столба дали преимущество мнѣ и по прочтеніи арестантамъ латышамъ нѣмецкаго приговора объ осужденіи ихъ на каторжныя работы, попросили меня сказать имъ наставленіе. Можетъ быть, дали мнѣ преимущество предъ пасторомъ у позорнаго столба потому, что это было мѣсто позорное, — тамъ и долженъ первенствовать русскій попъ, по мнѣнію лютеранствующаго начальства. Можетъ быть, хотѣли поставить меня въ затрудненіе и предъ собравшимся народомъ унижить, если бы я отказался отъ рѣчи, или сказалъ по-латышски неправильно, или не вразумительно. Можетъ быть, хотѣли лишить меня возможности въ своей рѣчи арестантамъ повторить только содержаніе рѣчи пастора; о православныхъ священникахъ слишкомъ невыгодное понятіе имѣли нѣмцы ¹⁾. Но при помощи Божіей безъ затрудненія сказалъ я наставленіе арестантамъ. Въ немъ убѣждалъ арестантовъ со смиреніемъ и покорностію волю Божію пести положенное на нихъ наказаніе и бояться не суда людскаго и наказанія временнаго, а суда Божія и наказанія вѣчнаго. Придетъ время, говорилъ я, когда предъ праведнаго Судію и Господа соберется не такое число народа, какое собралось здѣсь предъ вами, а соберутся все люди, которые когда либо жили на свѣтѣ. И сѣдичій на престолѣ славы Господь осудитъ на муку вѣчную не тѣхъ, которые здѣсь на землѣ попесуютъ тяжкое наказаніе за свои преступленія, а тѣхъ, которые безжалостны и немилостивы были къ своимъ ближнимъ, которые не имѣли вѣры въ Спасителя и остались не раскаянными въ своихъ беззаконіяхъ до конца своей жизни. Послѣ меня говорилъ рѣчь пасторъ; содержаніе его рѣчи не помню.

Тяжелое и непростительное для просвѣщеннаго христіанина оскорбленіе нанесло православной церкви лютеран-

¹⁾ Помню такой случай. При совершеніи мною таинства крещенія присутствовала нѣмка, и едва ли не была еще воспріемницею младенца. По своему обычаю я сказалъ наставленіе воспріемникамъ и нѣмка послѣ крещенія выразила мнѣ свое удивленіе, что я говорилъ рѣчь; она думала, что русскіе священники только совершаютъ требы, а рѣчей не говорятъ.

ствующее Венденское начальство въ праздникъ Богоявленія Господня, кажется, въ 1866 году. Обычно въ этотъ праздникъ по уставу св. православной церкви освящается вода накапунѣ въ храмѣ, а въ самый праздникъ въ воспоминаніе крещенія Господня въ Иорданѣ освящается она на рѣкѣ, или на другомъ водномъ источникѣ. Въ Венденѣ она освящалась на площади среди города въ резервуарѣ, изъ котораго беретъ воду весь городъ. Въ этотъ резервуаръ течетъ вода по подземной трубѣ изъ какого то источника или ключа за городомъ; изъ резервуара по трубѣ же вытекаетъ вода и въ ниже стоящую часть города. Вода обычно стоитъ въ резервуарѣ на такой высотѣ, что ее удобно брать ведрами. Накапунѣ или утромъ въ самый праздникъ Богоявленія Господня по просьбѣ священника городовымъ стокъ воды изъ резервуара преграждается, и она поднимается такъ высоко, что священнодѣйствующій удобно можетъ погружать въ нее св. крестъ. На православный праздникъ Богоявленія Господня въ городъ обычно стекается значительное число крестьянъ-латышей православныхъ и лютеранъ и освященную Богоявленскую воду изъ резервуара берутъ въ дома, поятъ сю и своихъ лошадей. По отправленіи богослуженія въ церкви весь Венденскій причтъ и молящіеся крестнымъ ходомъ отправились на площадь, чтобы освятить воду въ резервуарѣ, богослуженіе отправлялось по-латышски, такъ какъ масса народа, окружавшаго резервуаръ, были латыши. Крестъ на головѣ въ крестномъ ходу несъ я, равно какъ и освящаль воду; послѣ освященія воды я сказалъ собравшемуся народу по-латышски рѣчь, въ которой разъяспилъ, что вода освящается молитвою, словомъ Божиимъ и погруженіемъ въ нее св. креста, на которомъ изображенъ самъ Спаситель, все освящающій и приглашалъ всѣхъ съ вѣрою употреблять освященную воду во здравіе и спасеніе. Берите св. воду и вы, инвѣрцы, говорилъ я; св. церковь православная, какъ истинная церковь Христова, никому изъ васъ не отказываетъ въ священной водѣ,—вотъ она остается здѣсь для употребленія всѣмъ желающимъ освященія. Крестный ходъ обычнымъ порядкомъ возвратился въ церковь.

Утомленный богослуженіемъ, я попросилъ моего сотоварища-священника обойти со святою водою православныхъ прихожанъ, чтобы освятить ихъ жилища богоявленскою во-

дою, а самъ остался дома. Придя на площадь, причтъ увидѣлъ слѣдующую сцену. Православные русскіе солдаты мѣстной инвалидной команды, предводительствуемые Венденскимъ Ордунгерихтеромъ, подвезли къ резервуару съ освященною Богоявленскою водою пожарную трубу чрезъ нее выкачивали святую воду и поливали ею смежныя зданія и лютеранскую церковь. Нѣкоторые насмѣшники громко говорили: ну, полетѣла на воздухъ русская святость. Заплакалъ я, услышавъ отъ возвратившагося священника о поруганіи православной святыни начальникомъ полиціи православнаго русскаго царства, при помощи русскихъ православныхъ воинновъ, въ великій православный праздникъ Господень. А еще кричали и кричать лютеране-нѣмцы Остзейскаго края, что стѣсняють ихъ религіозную свободу, что ихъ обижаютъ въ пользу православнаго господствующаго вѣроисповѣданія! Нѣтъ, не слабые православные обижали сильныхъ лютеранъ, — это было не мыслимо; а лютеране всячески притѣсняли и оскорбляли православныхъ.

Не знаю, что я сдѣлалъ бы, если бы самъ пошелъ для окропленія святою водою домовъ православныхъ и увидѣлъ поруганіе святыни. Думаю, что я не остался бы празднымъ зрителемъ этого поруганія, — думаю, что я употребилъ бы все свои силы для прекращенія этого поруганія. Надѣлъ бы, напримѣръ, на себя епитрахиль, взялъ въ руку крестъ и громко сказалъ бы солдатамъ: шапки долой; на молитву! и самъ съ причтомъ зашѣлъ бы: *во Иорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи*. Потомъ именемъ закопа попросилъ бы Ордунгерихтера немедленно прекратить возмутительное для православныхъ занятіе, оскорбляющее святыню господствующей церкви; сдѣлалъ бы внушеніе и самимъ Христолюбивымъ воинамъ.

Донесъ я своему Архипастырю объ этомъ происшествіи. Что же послѣдовало? Оказалось, видите-ли, что Венденское начальство предъ праздникомъ Богоявленія Господня получило новую пожарную трубу, едва ли не въ даръ отъ пожарнаго страховаго общества; и вотъ, ему будто бы необходимо было какъ можно скорѣе испытать, какъ высоко поднимаетъ она воду? Если же начальство брало для этого опыта воду изъ общаго для всего города резервуара: то на это оно имѣло полное право; причтомъ въ другомъ мѣстѣ

брать воду совѣмъ было неудобно, а въ резервуарѣ ее скопилось много. Она была освящена; но вѣдь кропать же ею сами православные вездѣ и въ домахъ, и на дворахъ, и этимъ святость воды не оскорбляется; какое же для нея оскорбленіе, что ею изъ трубы поливались здавія? Вотъ вамъ нѣмеккое разсужденіе! Раньше праздника Богоявленія Господня, или позже, видите-ли, Оренунгерихтеру никакъ нельзя было испробовать трубу; ему нужно было сдѣлать пробу только-что освященною водою, разлить ее поскорѣе, да чтобы всѣ латыши, собравшіеся на церковное торжество видѣли это пренебрежительное отношеніе къ только что освященной водѣ, столь чтимой православными. Этого оскорбленія могъ не понять развѣ только глупый ребенокъ, а умный и хитрый нѣмецъ-лютеранинъ, понималъ его, конечно, очень хорошо.

Протоіерей Іоаннъ Носильковъ.
